

М. А. ШИБАЕВ

**НА СТЫКЕ ЭПОХ:
ПЕРГАМЕН И БУМАГА РУКОПИСИ ТРЕБНИКА
ИЗ КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ***

Первые десятилетия XV в. стали важной вехой в развитии отечественной книжности не только с точки зрения палеографических новаций, но и в истории применения и освоения такого материала для письма как бумага. И хотя бумага была известна древнерусским писцам еще с XIII в., массовое замещение ею пергамента произошло только на рубеже XIV и XV вв., вероятно, вследствие возникшей большей доступности и меньшей стоимости по отношению к предыдущему писемому материалу. В ряде случаев наиболее раннее использование бумаги славянскими книжниками было методом «в прокладку» с чередованием пергаменных и бумажных листов в одной тетради¹. Так выполнена и древнейшая датированная древнерусская бумажная рукопись Диоптры 1388 г. (ГИМ, Чудовское собр., 15). Согласно описанию рукописи в ней пергамен чередуется с бумагой². Однако сама рукопись, хотя и переписана «русским уставом», создана все-таки не в пределах Северо-Восточной Руси, а в Константинополе. Наряду с методом «в прокладку» известен и другой принцип сочетания бумаги и пергамента в одном кодексе как отдельными тетрадями, так и целыми блоками. Таких рукописей крайне мало и среди

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-29-04157 офи_м «Комплексное технологическое исследование материального носителя информации древнерусских пергаменных кодексов XIII–XV вв.».

¹ *Гальченко М. Г.* Палеографическое описание Архивской Лествицы XIII в., одной из древнейших славянских рукописей, написанных на бумаге и пергамене (в прокладку) // *Гальченко М. Г.* Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси : избранные работы. М., 2001. С. 46–47 ; *Лихачев Н. П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. 1. С. XX.

² Описание рукописей Чудовского собрания / сост. Т. Н. Протасьева. Новосибирск, 1980. С. 11.

них можно назвать, например, знаменитый Трифоновский сборник (РНБ, Софийское собр., № 1262)³.

Для ранних рукописей, созданных в Кирилло-Белозерском монастыре, характерно сочетание двух писчих материалов, когда кодекс переписан на бумаге, но первый и последний защитные листы пергаменные. Примером может служить рукопись, содержащая Поучения Феодора Студита 1417 г. (РГБ, Музейное собр., № 8460) или Сборник аскетических и канонических тестов начала XV в. (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № XIII). Несколько иное сочетание мы видим в рукописи Полемиического сборника 20-х гг. XV в. (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 66/1143), где единственный лист пергамена был наклеен на внутреннюю поверхность нижней крышки кодекса. Однако исследуемая нами рукопись Требника (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 5/5) (далее: КБ 5/5), представляет собой другой вариант использования пергамена, когда на нем выполнена большая часть кодекса. Требник был переписан в начале и в конце рукописи на пергамене — первые 14 и последняя 28-я тетрадь (л. 1–104, 210–214), а в центре кодекса — на бумаге — с 15-й по 27-ю тетрадь (л. 105–209). Кодекс хорошо сохранился и не имеет больших утрат и поновлений, за исключением л. 159–160, выполненных на бумаге XVI в.⁴ Эти страницы были приклеены к фальцам двух последних вырезанных листов 21-й тетради. По нашим наблюдениям, изначально весь книжный блок был переписан одним человеком (I манера), за исключением оборота предпоследнего листа кодекса, где были сделаны дополнения рукой одного из учеников преподобного Кирилла (II манера)⁵. I манерой была сделана и кириллическая нумерация на лицевой стороне первого листа и оборотной стороне последнего листа каждой тетради. К сожалению, хотя писец Требника оставил запись о себе, его имя было сознательно срезано, и на нижнем поле л. 7 осталась только строчка: «Г(оспод)и, помизи (так в рукописи. — М. Ш.) рабу...» Почти все тетради — кватернионы, единственной тетрадь-квинионом является 26-я тетрадь, заключают кодекс 27-я и 28-я тетради — тринионы. Кроме того, в 9-й тетради оказалось всего два листа, а остальные, судя по оставшимся фальцам, отсутствовали, а в 1-й и 10-й тетрадях только семь листов. Схема кодекса приведена на рис. 1.

³ См. о соотношении пергамена и бумаги в кодексе: *Корогодина М. В.* Палеографические и кодикологические особенности Трифоновского сборника рубежа XIV–XV веков // *Историк и источник.* СПб., 2018. С. 74–91.

⁴ К сожалению, не представляется возможным определить более точно время замены листов, так как на них не просматривается филигрань.

⁵ По нашим наблюдениям, речь может идти о писце по имени Сосипатр, см.: *Шибяев М. А.* Рукописи Кирилло-Белозерского монастыря XV века : историко-кодикологическое исследование. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2013. С. 121–124. При этом отметим, что данный писец выполнил только последние 11 строк текста, а первые три строки переписаны основной манерой кодекса.

Манеры	I														I														XVI в.	I							I + II
№ тетрадей	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	XVI в.							22	23	24	25	26	27	28		
Листы	1-7	8-15	16-23	24-31	32-39	40-47	48-55	56-63	64-65	66-72	73-80	81-88	89-96	97-104	105-112	113-120	121-128	129-136	137-144	145-152	153-158	159-160	XVI в.							161-168	169-176	177-184	185-192	193-202	203-208	209-213+0	
Материал	II	II	II	II	II	II	II	II	II	II	II	II	II	II	Б	Б	Б	Б	Б	Б	Б	Б	XVI в.							Б	Б	Б	Б	Б	Б	II	

Рис. 1. Схема кодекса КБ 5/5 (кодикологическая таблица) потетрадного распределения пергамента (II) и бумаги (Б)

Требник был соотнесен с монастырской описью конца XV в. исследователем истории монастыря Н. К. Никольским, приведшим также краткое описание его содержания⁶. В дальнейшем КБ 5/5 практически нигде не описывалась⁷, кроме упоминания в каталоге Е. Э. Гранстрем, где рукопись была кратко охарактеризована с указанием примерной датировки — XV в.⁸ В рукописи не обнаруживаются владельческих помет, атрибутирующих ее Кирилло-Белозерскому монастырю. Однако, как и на многих других рукописях Кирилловского собрания, на боковом обрезе книжного блока читается крупная надпись, нанесенная чернилами: «Требникъ». Переплет рукописи родной, доски с прямыми откосами вровень с книжным блоком с желобками в торцах обтянуты темно-коричневой кожей без тиснения. Застежки утрачены. Рукопись находилась в собрании Кирилло-Белозерского монастыря уже в XV в. Об этом свидетельствует монастырская опись книг Успенского собора, составленная в 1480-е гг. Эта монастырская опись состоит из трех частей: черновой (предварительной) и белой, в которых подробно расписано содержание некоторых книг; инвентарной, содержащей только, как правило, название книги. Исследуемая нами рукопись упомянута только в инвентарной части как «Постригал(ь)никъ с погребал(ь)н(ик)ом вместе» (№ 148), что соотносится с записью скорописью XVI–XVII вв. на первом защитном листе чернилами КБ 5/5: «Постригал(ь)ник сиреч Потребник». На бытование рукописи в XV в. в Кирилло-Белозерском монастыре указывает помета «Славити твое Б(о)ж(е)ство» монаха Ефросина на верхнем поле л. 138 относящаяся, вероятно, к тексту, начинающемуся с киноварного заголовка **«Ст(и)х(и)ры, глас 3. Под(обен):**

⁶ Никольский Н. К. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV в. // ОЛДП. СПб., 1897. Т. СХІІІ. С. 11.

⁷ Потребник был предметом также нашего исследования в 2013 г., см.: Шибанов М. А. Рукописи Кирилло-Белозерского монастыря XV века ... С. 128–133.

⁸ Гранстрем Е. Э. Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Л., 1953. С. 72.

Велия Кр(е)ста». Это означает, что белозерский книжник, исполнявший в монастыре, вероятно, послушание уставщика, держал эту рукопись в руках и работал с ней.

Текст в КБ 5/5 начинается на л. 1 с киноварного заголовка: «**Чин послед(о)ванию малаз(о) образ(а)**». Вторая часть кодекса, выполненная на бумаге, а в самом конце также на пергамене, озаглавлена киноварью на л. 105: «**Послед(о)вание бываемо о усопших инокихъ**». Таким образом, первая пергаменная часть содержала службы для пострижения иноков в малый и великий образ, вторая, преимущественно бумажная, — для усопших иноков, включая чин на разлучение души и канон за усопшего.

На л. 1 об. КБ 5/5 перед текстом помещена достаточно скромная тератологическая заставка, выполненная чернилами и киноварью. По мнению О. Б. Враской, такой тип заставки характерен для Новгорода, поскольку обнаруживается сходство с заставкой Евангелия-апракос конца XIV в. (ГИМ, Чудовское собр., 2)⁹. Однако говорить о серьезных аргументах в пользу новгородского происхождения рукописи у нас нет оснований. Во-первых, наблюдается только весьма отдаленное сходство с заставкой Евангелия-апракос, во-вторых, само Евангелие определяется Г. И. Вздорновым как московская по происхождению рукопись¹⁰.

Рис. 2. Дефекты пергамена рукописи КБ 5/5, л. 96 об.

⁹ Враская О. Б. Об орнаментации рукописных книг из Кирилло-Белозерского монастыря // Древнерусское искусство. Рукописная книга. Сборник третий. М., 1983. Т. 12. С. 267–268.

¹⁰ Вздорнов Г. И. Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII — начала XV веков. М., 1980. С. 97.

Рукопись была изначально непарадно оформлена и явно предназначалась как вполне утилитарная вещь. Помимо терратологической заставки Требник украшают несколько очень скромных контурных инициалов на л. 2, 16 об., 17–17 об., 18–18 об., 22, 31, 32, 49 об., 50 об., 52, 57 об., 59 об., 82 об., 86 об., 110, 134 об., 144 об., 151, 178 об., 179, 185, 191 об., 194 об., 200 об., 211 об. При этом все они нарисованы только с использованием киноварной краски и иногда чернил.

Пергамен рукописи достаточно хорошего качества, хорошо отбеленный, цвет мясной и волосяной сторон не различается. Поверхность данного писчего материала была тщательно обработана, вследствие чего волосяные сумки просматриваются не более чем на 20 % листов, также крайне редко наблюдаются оставшиеся следы обработки пергамена до шлифования абразивами в виде тонких последовательно расположенных борозд, напоминающих следы от зубьев пилы, что часто характеризует русский пергамен второй половины XIII–XV вв. Расположение листов в тетрадах пергаменного блока не соответствует так называемому правилу Грегори (мясная сторона к мясной, волосяная к волосяной) и весьма непоследовательно, так что не прослеживается какой-либо системы. Данная особенность, по нашим наблюдениям, вообще характерна для древнерусских кодексов XIV–XV вв., что сильно отличается от западноевропейской традиции, где книжники следили за правильным чередованием мясной и волосяной сторон. В ряде случаев использован пергамен с овальными ороговевшими краями, что свидетельствует об использовании частей, непосредственно примыкавших к костной ткани животного, которые часто выбраковывались книжниками. При этом большое количество листов рукописи имеют механические повреждения в виде зашитых и даже незашитых дыр. В ряде случаев наблюдаются дефектные листы с прямоугольными или округлыми вырезами, сделанными, вероятно, в месте серьезных повреждений снятой шкуры (рис. 2). Несмотря на небольшой формат рукописи (малая «четверка»; книжный блок 19,6 × 13,6 см), практически все пергаменные тетради-кватернионы имеют в своем составе фальцованные листы. В тетради, как правило, фальцованными оказывались 2-й или 3-й лист. Т. е. фальцевание было вызвано не заменой листов, а тем, что изготовитель рукописи имел в своем распоряжении весьма ограниченный как по размеру, так и по количеству объем пергамена, который он был вынужден максимально экономно использовать. Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что писец Требника, с одной стороны, работал при достаточно крупном книгописном центре, куда поставлялся весьма качественный пергамен, а с другой стороны, вынужден был довольствоваться обрезками с дефектами, оставшимися от изготовления других книг.

В кодексе прослеживается на всем протяжении единая разлиновка, примененная как для пергаменной части, так и для бумажной. Зеркало

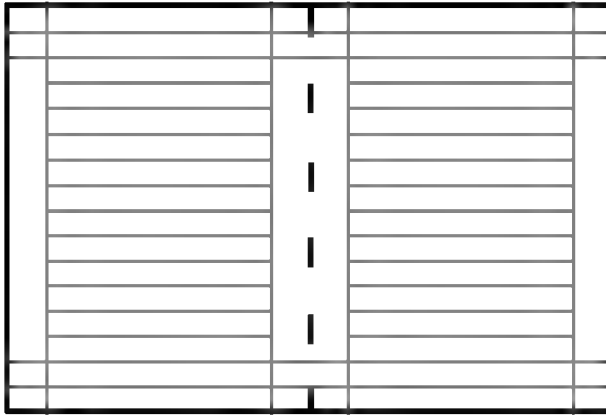

Рис. 3. Схема разлиновки разворота листа КБ 5/5

текста состоит из 15 строк в один столбец (рис. 3). Самая близкая аналогия — Leroy P14 00D1¹¹.

При изготовлении кодекса линовался поразворотно каждый бифолий. По нашим наблюдениям, как пергаменный, так и бумажный блок линовался по одинаковой схеме. См. схему на примере 7-й по счету пергаменной тетради (единственной в пергаменной части, не содержащей фальцованные листы). Согласно Leroy — система 1¹².

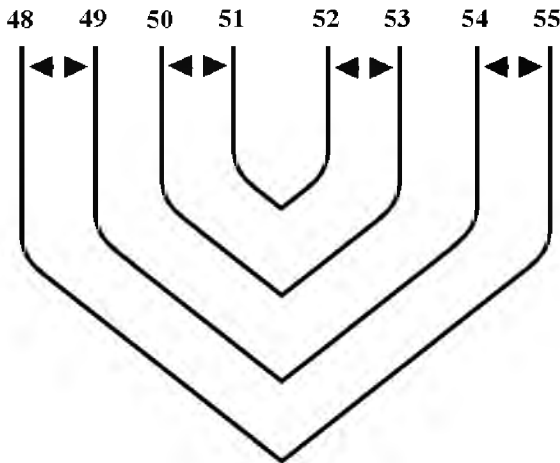

Рис. 4. Схема линования 7-й тетради КБ 5/5

¹¹ Leroy J. Les types de reglure des manuscrits grecs. Paris, 1976. P. 43.

¹² Leroy J. Quelques systèmes de reglure des manuscrits grecs // Studia codicologica. Berlin, 1977. P. 295.

Представленная система весьма редка для древнерусских пергаменных рукописей XIV–XV вв., которые традиционно линовались более экономно с точки зрения временных затрат — через два сложенных вместе листа. Причина такого решения книжника кроется в непергаменной части кодекса КБ 5/5. Дело в том, что бумагу для письма почти невозможно линовать через два листа без очевидной опасности сильно повредить поверхность, и создателю рукописи, принимая во внимание бумажную часть, пришлось единообразно линовать весь кодекс, включая пергаменный блок.

Линование рукописи происходило по проколам, которые частично обнаруживаются на внешних полях пергаменных и бумажных листов. Проколы наносились с лицевой стороны уже согнутых и сложенных в тетрадь листов. Это следует из того, что наблюдается очевидное затухание следа прокола от первого листа тетради к последнему (рис. 5). При этом можно сделать даже предположение о характере инструмента, использованного для нанесения проколов. По-видимому, это тонко заго-

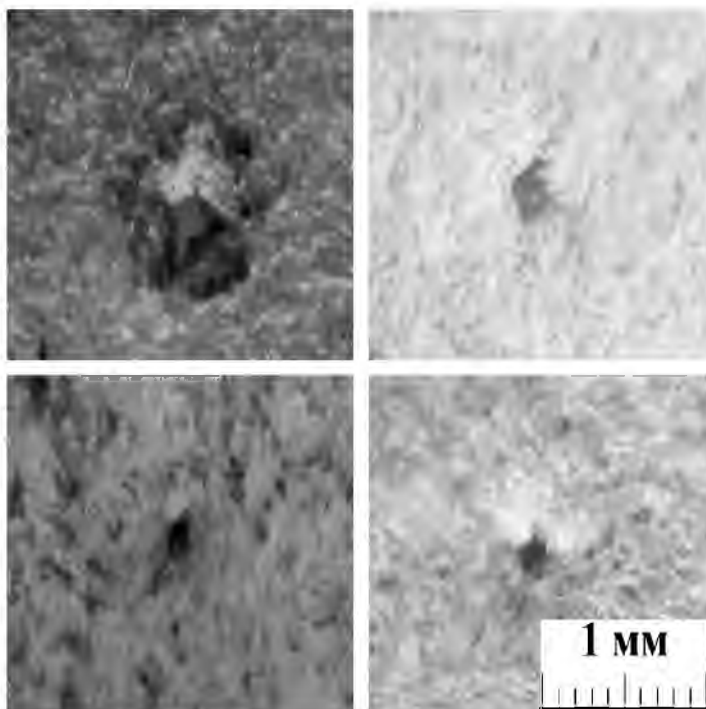

Рис. 5. Слева — следы от проколов на первом и последнем листах пергаменной тетради (л. 24 и 31 соответственно), справа — на первом и последнем листах бумажной тетради (л. 129 и 136 соответственно) КБ 5/5

ченное шило с четырьмя гранями. Обращает на себя внимание и ореол вокруг прокола на первом листе (см. рис. 5, слева вверху), означающий, что, возможно, шило имело специальный ограничитель, чтобы проникать в пергамен на строго определенную глубину. К сожалению, в большинстве случаев в бумажной части кодекса КБ 5/5 разлиновочные проколы не сохранились вследствие позднейшей подрезки кодекса по краям. Однако редкие сохранившиеся проколы свидетельствуют о том, что было использовано то же самое граненое шило (см. рис. 5, справа вверху и внизу).

Вероятно, нанесение проколов и затем разлиновочных линий было осуществлено сразу по всему заготовленному писчему материалу. Об этом свидетельствует стабильная разлиновка кодекса на всем протяжении — 15 строк при высоте зеркала текста в среднем 140–142 мм. При этом писец располагал неким инструментом, позволявшим достаточно точно соблюдать расстояния между проколами на боковых полях листа, впоследствии соединенными горизонтальными линиями. По нашим наблюдениям, расстояние между крайним верхним и нижним проколами очень стабильно и составляет 136 мм. Можно предположить, что писец использовал линейку с делениями, по которым наносились проколы. А вот расстояния между вертикальными линиями, ограничивающими зеркало текста справа и слева, очень разнятся — от 80 мм до 90 мм. Соответственно и сильно различаются расстояния между проколами на верхних и нижних полях листа. Несколько иную картину представляет последняя пергаменная тетрадь, добавленная, как мы предполагаем, в самом конце работы. Здесь при той же схеме разлиновки высота зеркала текста составляет в среднем 136 мм. Соответственно в последней тетради меньше и расстояние между крайними проколами на боковых полях. Данное наблюдение еще раз нас убеждает в том, что составитель кодекса изначально рассчитал так писчий материал, чтобы переписать первую половину кодекса на пергамене, а вторую половину на бумаге, и только последняя тетрадь была добавлена и разлинована в самом конце работы.

Отказ от пергамена и переход на бумагу скорее связан с принципом пользования самой книгой (рис. 6). Читатель книги сразу мог различить по цвету, к какой части Требника надо обратиться (первая часть для пострижения, вторая часть для отпевания). Примененная бумага явно не давала каких-либо преимуществ с точки зрения удобства для письма, скорее даже наоборот, что вызвало разницу в подходе писца к выполнению текста на пергамене и на бумаге. Как мы упоминали выше, использовалась в целом одна и та же разлиновка, отсюда размер букв и межстрочное расстояние оказывались во всей рукописи почти неизменными (за исключением последней тетради). Неизменной в целом была и манера уставного книжного письма. Однако характер бумаги как писчего материала потребовал от писца смены техники выполнения

Рис. 6. Книжный блок и крышки переплета КБ 5/5.
Вид со стороны нижнего обреза

отдельных букв. Если в первой пергаменной части большинство букв выполнено в технике составного письма, то бумажная часть кодекса переписана обычным книжным письмом без дублирования повторных линий. Техника составного письма позволяла сделать письмо более эстетическим и парадным с большим контрастом толстых и тонких линий¹³. Применение цифровой съемки с большим увеличением позволяет рассмотреть эти особенности (рис. 7–9), где на фотографиях, размещенных слева, видно, как по центру ряда элементов букв при выполнении составного письма проходит более темная линия, означающая наложение штрихов. При этом сам образ буквы остается неизменным. Объяснение этому можно видеть скорее в особенности использованной бумаги: она крайне рыхлая и слабопроклеенная, что создавало угрозу растекания чернил при дублировании штрихов.

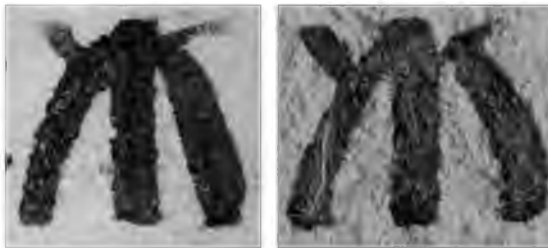

Рис. 7. Слева — литера Ж, выполненная в технике составного письма (л. 59), где центральная и правая вертикальные линии дублируются, справа — обычное книжное письмо (л. 137)

¹³ О составном письме см.: *Магучев О. В., Скотина М. А.* О двух техниках древнерусской каллиграфии // Археографски прилози. Београд, 2017. Бр. 39. С. 39–49.

Рис. 8. Слева — литера М, выполненная в технике составного письма (л. 102), где правая и левая вертикальные линии дублируются, справа — обычное книжное письмо (л. 138)

Рис. 9. Слева — литера Ш, выполненная в технике составного письма (л. 88), где вертикальные элементы дублируются, справа — обычное книжное письмо (л. 141)

При использовании бумаги писец Требника явно был не готов преодолеть трудности, связанные с применением нового для него сильно впитывающего чернила писчего материала. В подтверждение этого тезиса можно привести случаи, когда наблюдаются незаполненные лакуны на бумажном листе вследствие невозможности на нем писать. Такие лакуны есть на л. 146–146 об., 147–147 об., 152–152 об., 162 об., 163 об., 165–165 об., 175–175 об., 176 об., 195–195 об., 202 об. А л. 166 об. писец вообще отказался заполнять, так как чернила с лицевой стороны сильно пропитали бумагу и стали проступать с обратной стороны. Незаполненные лакуны вызвали естественное увеличение объема текста, вследствие чего писцу пришлось, вероятно, добавлять в самом конце работы пергаменную тетрадь, которая дополнительно могла играть и защитную роль.

По филиграммам бумажный блок датируется достаточно надежно концом XIV – началом XV в., что позволяет и саму рукопись датировать этим же временем.

1. Колокол — тожд. (?) WZMA¹⁴, № AT5000-372_151 (конец XIV в.); подобно Пиккар Архив, № 40210, 40225 (1390 г.).

2. Голова быка (1-й вариант) (148–149) — подобно Пиккар Архив¹⁵, № 67278 (1396 г.); подобно WZMA, № AT5000-724_165 (1391 г.).

3. Голова быка (2-й вариант) — тожд. (?) WZMA, № AT5000-21_36 (1400 г.).

4. Лук со стрелой — подобно Пиккар Архив, № 123485 (1398 г.).

В рассматриваемой бумажной части кодекса было всего первоначально 12 восмилистовых тетрадей, одна десятилистковая и одна шестилистковая (рис. 1), что с учетом формата кодекса в 4° дает всего 26 листов. При этом использовалась бумага из разных партий, судя по разнообразию водяных знаков, и весьма среднего качества. Складывается впечатление, что писцу удалось раздобыть по случаю несколько десятков листов, весьма вероятно выбракованных. Данный факт может указывать скорее на столичное происхождение рукописи, поскольку крайне трудно предположить, что в далекое Белозерье был доставлен специально очень маленький объем бумаги, рассчитанный только на половину рукописи. Тем более что Требник по филиграммам не пересекается с более поздними бумажными рукописями, созданными в монастыре при Кирилле Белозерском.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что Требник был создан в весьма ограниченных условиях в одном из крупных монастырей (скорее всего, московских) в конце XIV в. или в самом начале XV в. Письмо рукописи достаточно архаичное, не испытавшее явного влияния южнославянских почерков. Книжник обладал определенным опытом писца, о чем свидетельствует применение составного письма, но при этом качество его письма не дотягивало до профессионального каллиграфско-книгописца. Состав рукописи весьма специфичен, Требник явно был изготовлен не для простого монаха, а для главы того или иного монастыря.

Между тем, если мы обратимся к ранней истории Белозерской обители, ряд кодикологических признаков исследуемой нами рукописи находит свое объяснение. Согласно Житию Кирилла, последние годы перед уходом в Белозерье преподобный провел в Старом Симоновом монастыре, частично заброшенном после перемещения монастырской жизни в Новое Симоново. Но даже там ему всячески досаждал новый глава обители Сергей Азаков. Толчком к уходу Кирилла в 1407 г., вероятно, стала предсмертная дарственная вдовы Дмитрия Донского будущему игумену на село Сандырево и некую Ворсинскую пожню в Белозерье, которую мы и отождествляем с местом расположения монастыря около Сиверского озера¹⁶.

¹⁴ См. здесь и далее базу данных филиграмм: <https://www.wzma.at/>

¹⁵ См. здесь и далее базу данных филиграмм: <https://www.piccard-online.de/>

¹⁶ См.: *Шубаев М. А.* Древнейший акт Кирилло-Белозерского монастыря // Сборник в честь В. К. Зиборова : Опыт по источниковедению. СПб., 2017. Вып. 5. С. 353–358.

Вероятно, в преддверии ухода и была создана рукопись, ставшая одной из первых в монастырском собрании. Отметим при этом, что рукопись данного состава, как никакая другая, обязательно должна была быть у игумена обители. Требник для монастырской жизни должен был играть весьма важную роль, быть сборником, позволяющим в соответствии с каноном постричь в монахи или отпеть умершего инока. В этой связи нельзя исключать что переписчиком кодекса мог быть сам Кирилл, тем более что писцовая манера, которым выполнен Требник, далее не встречается среди рукописей, переписанных его учениками в первой четверти XV в. На наш взгляд, изготовление сборника связано с продуманным и достаточно долго готовившимся намерением Кирилла уйти на Белоозеро и основать там монастырь общежительного типа.

РЕЗЮМЕ

Статья «На стыке эпох: пергамен и бумага рукописи Требника из Кирилло-Белозерского монастыря» посвящена кодикологическому исследованию рукописи, возможно принадлежавшей самому Кириллу Белозерскому. Исследуется манера письма, способ разлиновки тетрадей, филигранные узоры уникального кодекса, в котором сочетаются пергамен и бумага. Рукопись происходит из собрания Отдела рукописей Российской национальной библиотеки.

SUMMARY

The article's objective is a codicological examination of the manuscript from the collection of the Manuscripts Department of the National Library of Russia which probably belonged to Cyril Belozersky himself. The research focuses on specific features of the codex such as the writing manner, the method of lining-of the manuscript's notebooks, and the watermarks of that unique codex-which creator used both the parchment and the paper.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Рукопись, кодикология, пергамен, бумага, Кирилло-Белозерский монастырь.

KEYWORDS

Manuscript, Codicology, parchment, paper, Kirillo-Belozersky monastery.

БИБЛИОГРАФИЯ

Вздорнов Г. И. Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII – начала XV веков. М., 1980.

Враская О. Б. Об орнаментации рукописных книг из Кирилло-Белозерского монастыря // Древнерусское искусство. Рукописная книга. Сборник третий. М., 1983. Т. 12. С. 267–276.

Гальченко М. Г. Палеографическое описание Архивской Лествицы XIII в., одной из древнейших славянских рукописей, написанных на бумаге и пергамене (в прокладку) // *Гальченко М. Г.* Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси : избранные работы. М., 2001. С. 46–51.

Гранстрем Е. Э. Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Л., 1953.

Корогодина М. В. Палеографические и кодикологические особенности Трифоновского сборника рубежа XIV–XV веков // *Историк и источник.* СПб., 2018. С. 74–91.

Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. 1.

Мацуев О. В., Скотина М. А. О двух техниках древнерусской каллиграфии // *Археографски прилози.* Београд, 2017. Бр. 39. С. 39–49.

Никольский Н. К. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV в. // ОЛДП. СПб., 1897. Т. CXIII.

Описание рукописей Чудовского собрания / сост. Т. Н. Протасьева. Новосибирск, 1980.

Шубаев М. А. Древнейший акт Кирилло-Белозерского монастыря // *Сборник в честь В. К. Зиборова : Опыты по источниковедению.* СПб., 2017. Вып. 5. С. 353–358.

Шубаев М. А. Рукописи Кирилло-Белозерского монастыря XV века : историко-кодикологическое исследование. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2013.

Leroy J. Les types de reglure des manuscrits grecs. Paris, 1976.

Leroy J. Quelques systèmes de réglure des manuscrits grecs // *Studia codicologica.* Berlin, 1977. P. 291–312.

REFERENCES

Gal'chenko M. G. Paleograficheskoe opisanie Arhivskoj Lestvicy XIII v., odnoj iz drevnejshhikh slavyanskikh rukopisej, napisannykh na bumage i pergamene (v prokladku) // *Gal'chenko M. G.* Knizhnaya kul'ura. Knigopisanie. Nadpisi na ikonah Drevnej Rusi : izbrannye raboty. Moskva, 2001. S. 46–51.

Granstrem E. E. Opisanie russkikh i slavyanskikh pergamennykh rukopisej. Leningrad, 1953.

Korogodina M. V. Paleograficheskie i kodikologicheskie osobennosti Trifonovskogo sbornika rubezha XIV–XV vekov // *Istoriik i istochnik.* SPb., 2018. S. 74–91.

Leroy J. Les types de reglure des manuscrits grecs. Paris, 1976.

Leroy J. Quelques systèmes de réglure des manuscrits grecs // *Studia codicologica.* Berlin, 1977. P. 291–312.

Lihachev N. P. Paleograficheskoe znachenie bumazhnykh vodyanykh znakov. SPb., 1899. Ch. 1.

Maczuev O. V., Skopina M. A. O dvukh tehnikakh drevnerusskoj kalligrafii // *Arheografski prilozi.* Beograd, 2017. Br. 39. S. 39–49.

Nikol'skij N. K. Opisanie rukopisej Kirillo-Belozerskogo monastyrya, sostavlenoe v konce XV v. // ОЛДП. SPb., 1897. Т. CXIII.

Opisanie rukopisej Chudovskogo sobraniya / sost. T. N. Protas'eva. Novosibirsk, 1980.

Shibaev M. A. Drevnejshij akt Kirillo-Belozerskogo monastyrya // Sbornik v chest' V. K. Ziborova : Opyty po istochnikovedeniyu. SPb., 2017. Vyp. 5. S. 353–358.

Shibaev M. A. Rukopisi Kirillo-Belozerskogo monastyrya XV veka : istoriko-kodikologicheskoe issledovanie. Moskva ; SPb. : Al'yans-Arheo, 2013.

Vraskaya O. B. Ob ornamentacii rukopisnykh knig iz Kirillo-Belozerskogo monastyrya // Drevnerusskoe iskusstvo. Rukopisnaya kniga. Sbornik tretij. Moskva, 1983. T. 12. S. 267–276.

Vzdornov G. I. Iskusstvo knigi v Drevnej Rusi. Rukopisnaya kniga Severo-Vostochnoj Rusi XII – nachala XV vekov. Moskva, 1980.